

Он вытащил пистолет из набедренной кобуры с правой ноги и передернул затвор левой рукой. На этом ему не нужно было дополнительно снимать предохранитель. Пистолет имел ударно-спусковой механизм двойного действия, но перемещение затвора приводило к взведению курка. Под действием пружины затвор вставал обратно, тем самым посылая патрон из магазина в патронник. В результате этих нехитрых действий пистолет из восьмьсот сорока пяти грамм металла делался инструментом для убийства.

На конце ствола были мушка и целик. Глядя через них, он смотрел на лежащего товарища.

Иска бы не назвал это оружием.

Все-таки с автоматическим пистолетом «восемьдесят шесть» не могли оказать сопротивление врагам, Легиону. Нет, у этого пистолета только одна роль.

Умерщвлять других «восемьдесят шесть».

Легким движением он произвел выстрел. Три выстрела, чтобы наверняка. Поскольку пистолет проектировали с целью портативности, ствол был коротким, а огневая мощь и точность оставляли желать лучшего. Но в цель у ног он бы не промазал.

И тем более ни одна из пуль не отрикошетит и не попадет в идиота, который встал возле цели. Этот идиот вытащил умирающего придурка из Джаггернаута наружу.

Мальчик, вероятно, понятия не имел, что Иска собирался сделать, когда тот наставил пистолет на умирающего друга. Он едва ли не с любопытством уставился на плавные движения взведения оружия, а потом кроваво-красные глаза широко раскрылись от вида крови, растекающейся по бетону.

Он, скорее всего, не знал, что при остановке сердца кровь не сочится из тела подобно фонтану. Вероятно, он толком не понял, что перед ним теперь лежал труп.

— Чт?.. — произнес мальчик.

— В следующий раз не вытаскивай никого, Шин, — грубо сказал Иска, смотря на него сверху вниз.

Пистолет выполнил свою задачу. Он вернул затвор в прежнее положение, и убрал оружие обратно в кобуру. Битва с Легионом закончилась, вроде как. Даже если в патроннике остался патрон, это не особо важно.

Паренек припал к земле, тупо уставившись на свежий труп перед ним. Растерянность понятна. Несмотря на миниатюрное — даже для одиннадцатилетки — тело, он вытащил из агрегата процессора старше его и тяжелее. А Иска непринужденно свел все усилия мальчика на нет.

Или, быть может, он теперь бесцельно шокирован сценой чьей-то смерти. Иска не знал, что из этого верно. Он уже давно отбросил подобную сентиментальность, поэтому мог только догадываться.

Шин поднял на Иску взгляд: постепенно в отличительных кроваво-красных глазах появился укор и осуждение. Уникальный цвет благородной родословной Рубелов — презренных Пиропов из имперской знати. Красивые алые, рубиновые глаза.

— ...Почему?

— Ха, — безразлично выдохнул Иска, скривив губы в ухмылку, как бы говоря, насколько нелепым был этот вопрос.

Но в следующее мгновение он внезапно потянулся к тонкой шее Шина.

— !..

За прошедшие две недели с назначения Шина в отряд Иска понял, что малец ненавидел, когда кто-либо пытался коснуться его шеи, и реагировал одними инстинктами. Иска не знал почему, да и ему, честно говоря, было плевать. Просто так им удобнее управлять.

Воспользовавшись оцепеневшим состоянием Шина, он схватил его за воротник и потянул вниз, чтобы показать труп. Ноги процессора, которые однозначно имелись у того в день отправки, были разорваны в клочья. И Иска вынуждал Шина поближе рассмотреть тошнотворную рану.

Шин нервно сглотнул, а Иска принялся шептать на ухо:

— Слушай сюда и запоминай, паршивец недалекий. У всех людей в теле есть штуки, названные венами и артериями. Новички вроде тебя в школу не ходили, потому ты не знаешь. В общем, вот это — толстые кровеносные сосуды.

Все детишки, которых отправили в отряд Иски — второй оборонительный пятого района военных действий «Стиллет», — сослали в лагеря для интернированных пять лет назад, когда им было по семь-восемь лет. В свинарниках для нелюдей не предусмотрены простые человеческие школы. А значит ребята в возрасте Шина, едва вступившие в подростковый период, не получили должного образования.

Иску это ни капли не заботило, но жизненные знания нужно вбивать. Он знал немало идиотов, которые из-за своей сентиментальности начинают зазря огрызаться. Он продолжил лекцию,

бросая ядовитые взгляды в сторону товарищей по отряду — тех бесполезных, что и должны были обучать новичков.

— И вот эти кровеносные сосуды проходят через руки и ноги. Когда их обрывают...

Когда из поврежденных сосудов сочится кровь...

— ...человек умирает. Если и не на месте, то довольно скоро. Болезненно. Вот почему...

□

«...я избавил его от страданий».

□

Эти слова он выплюнул, словно для того, чтобы они навсегда остались в разуме мальчика, а потом пихнул его. Иске было восемнадцать, Шину одиннадцать, так что их телосложения и сила разнились. Шин беспомощно погрузился руками в кровавую лужу, затем он тяжело поднял взгляд на Иску. С отчаянием.

— Но, если идет кровь, можно остановить ее. Если вовремя оказать лечение, можно же спасти его!..

Иска только и мог, что рассмеяться от его легкомыслия. Вот же тупой, непонятливый малый. До него не дошло? Остальные члены отряда, стоящие неподалеку, ни шагу не сделали, чтобы остановить Иску. Они равнодушно смотрели, будто перед ними разворачивалось скучное представление, повторенное уже ни раз.

— Лечение?.. Какое лечение ему должны, по-твоему, оказать в восемьдесят шестом секторе?

— ...

В этом аду не было военных врачей. Это же «гуманное» поле боя, где вместо людей сражались «беспилотники». На поле боя без потерь погибали лишь свиньи в человеческом обличье, а значит в докторях и полевых госпиталях нет нужды.

Конечно, возникли бы проблемы, если процессор не мог воевать уже от несмертельных ранений, поэтому на передовых базах имелись автоматические станции медицинского назначения, называемые медсанчастями. Но в них лечили только легкие ранения — те, которые не мешают бойцу вернуться в бой сразу после. Любые другие раны, требующие дальнейший отдых и оздоровление, считались не угрожающими жизни и игнорировались.

Как Шин отметил, если у них получилось бы остановить кровотечение и оказать лечение тому процессору, возможно, он бы смог выкарабкаться. Идиоту, может, и не повезло, но правда в том, что спасти его было вполне реально.

...Только вот «если». Если бы в «восемьдесят шесть» видели людей.

В голову лезла нехарактерная для него сентиментальность, отчего Иска цокнул языком. Мерзость какая. От разговора с Шином он припомнил эмоции, о которых предпочел бы забыть навсегда.

После тех слов, сказанных чересчур по-будничному, чтобы быть насмешкой, он посмотрел в кроваво-красные глаза Шина и сказал:

— Если ты еще не догнал, объясню еще раз, мерзавец. Мы, «восемьдесят шесть», — свиньи в человеческом обличье. Не люди. Забудь напрочь про нежные чувства из времен, когда ты еще был человеком. А иначе...

Он развернулся и пошел по луже. У «восемьдесят шесть» нет могил, а значит не нужно забирать трупы. Ограничение навязали им белые свиньи Республики, но Иска был признателен за это.

«Восемьдесят шесть» не нужны могилы. Их отправляли сражаться в алюминиевых гробах без какой-либо поддержки, и каждый раз они бессмысленно помирали. Таково их предназначение в жизни. Выкапывать для них могилы и оплакивать... Это пробудит эмоции, которых они лишились после того, как у них забрали человечность. И если это случится...

□

— ...ты умрешь.

2

Услышав всплеск воды снаружи барачков, Иска остановился посреди коридора. Он глянул в грязное окно и увидел на площади самого юного в отряде процессора, похожего на мокрую мышь.

Над его головой опрокинули большое ведро воды. Мирей, сотоварищ-процессор, отбросил ведро и принес явно фальшивые, лицемерные извинения:

— Ой, прости, Шин. Силушку не рассчитал.

Ведро оставили в ангаре под протечкой в сильный дождь на несколько дней. Ни за что на свете

ведро бы не оказалось вдруг перед бараками, где его и опрокинули на Шина.

Мирей продолжал ехидно извиняться: он смотрел на Шина своими фиолетовыми глазами, как кошка наблюдает за мышонком. Вокруг собрались зеваки из других процессоров и членов бригады обслуживания, часть из них ухмылялись, другие были безразличны к сцене.

— ...

Шин смахнул с себя грязную воду. Выходка его будто совсем не задела, а, скорее, утомила. Он уже привык к ним. Выплеснутая вода в холодную раннюю весну, в дверной ручке спрятанные лезвия от бритвы, кровать, пропитавшаяся грязной водой, нацарапанные на Джаггернауте слова: «ходячая чума» и «предатель»...

Он поднял взгляд на того, кто был на голову выше его самого, с презрением и жестокостью, несвойственными одиннадцатилетнему пареньку.

— Что ты, не извиняйся... Через пять секунд наверняка забудешь обо всем и опять по новой. Ты же тупой, как курица.

Куриноголовый, забывчивый, знает только как клевать и сразу убегать, даже когда кудахчет в своей стайке... Просто скот, который повинуется хозяину.

— ...Че сказал?

Взгляд Мирей омрачился. Таким он и был, каким его описал Шин. Тугодум, крикливый, ругательства повторяет за другими.

Поняв, что тот просто наговаривает на Шина, как всегда, Иска повернулся и собрался уйти.

Будь это настоящая потасовка, он не мог дать им нанести друг другу увечья, а потому вмешался бы. Но несмотря на незрелое телосложение и характер тихони, Шин был силен. Он знал, куда эту силу применять, и не колебался бить людей. Мирей бы отделали, даже несмотря на разницу в телосложении. Поэтому ни он, ни его прихвостни, даже если в них кипела злость, не посмели бы поднять на него руку.

Может, Шин научился постоять за себя при схожих издевательствах в лагере для интернированных или в одном из бывших отрядов. Или, возможно, кто-то взял его под свою опеку и научил сражаться.

В какой-то момент появилась и заговорила Рулия, пулеметчик в отряде Иски. Миниатюрная худая девушка той же комплекции, что и Шин, хотя была на пять лет старше, с робким выражением лица.

За окном слышались повторенные много раз ругательства, все в сторону Шина. Все те же слова. Паразит. Вредитель. Трус, кто выжил за спинами друзей. Боевой маньяк. Имперская псина. Предатель.

Все эти личные нападки исходили из слухов о полном уничтожении его двух прошлых отрядов, о боевом безумстве, не соответствовавшему возрасту и опыту, а также врожденных чертах: цвета глаз и волос.

— Не пора бы их остановить, Иска?

— Если что-то не нравится, сама разбирайся, Рулия, — сухо ответил Иска.

Рулия вздрогнула, а Иска повернулся к ней. Коридор долгое время не приводили в порядок: всюду валялись какие-то вещи, стены и потолок покрывала пыль. С неиспользуемой кухни на нижнем этаже поднималась вонь.

— После его появления ты просто наблюдала со стороны и делала из себя святошу... Радуетесь небось. С ним тебе не придется потягивать грязь и жрать насекомых.

— ...

Выражение ее лица одеревенело, и она умолкла. Смуглая кожа Рулии говорила о принадлежности к смешанной расе Дизариев. Они представляли собой меньшинство в Республике, и небольшую этническую группу даже среди «восемьдесят шесть». Абсолютное большинство Республики еще до войны составляли Альбы. Но и у них, и у «восемьдесят шесть» была белая кожа Веспертинов.

Иска, например, имел серебряные волосы Селенов и золотистые глаза Гелиодор, но кожа его бледная. Корни Мирей уходят к Виолам, его друзья были представителями Виолидийцев и Ферругинейцев, Шин — наполовину Оникс, наполовину Пироп. Все эти люди разделяли один белый цвет кожи Веспертинов.

Но среди них выделялась Рулия со своей смуглой кожей. Дизерии, как и Ориенты с кожей цвета слоновой кости и Меридианы с черной, считались «отщепенцами», у которых разнились не только цвета у глаз и волос, но и у кожи. Как итог, их ненавидели и подвергали остракизму в лагерях для интернированных и на передовых базах.

Как большинство Республики, Альбы, дискриминировало «восемьдесят шесть», так большинство самих «восемьдесят шесть» презирало кучку людей в своем кругу, просто чтобы выместить злобу на козлов отпущения.

Кроме того, самыми ненавистными среди них являются имперские расы — те две из благородной родословной Империи Гиаде, начавшей войну. Ониксы и Пиропы. Ни один

«восемьдесят шесть» не причислит эти две расы к своему кругу или кругу Веспертинов.

Они были потомками омерзительных врагов, ставших причиной войны, а ненависть к ним уступала только к самим Альбам. В них видели отчасти виновных в судьбе «восемьдесят шесть», отщепенцев для наказаний и ненависти.

И по чудному стечению обстоятельств Шин унаследовал черты Ониксов и Пиропов. Поэтому вполне естественно, что враждебность процессоров и членов бригады обслуживания изменила свою цель с Рулии, козла отпущения только из-за цвета кожи, на Шина, по чьим венам текла кровь врага.

— Он не облажается, в отличие от тебя. Все-таки он силен.

Шин показывал неплохие навыки пилотирования Джаггернаута и в драках, и его ум позволил спустя всего несколько дней оградить Мирея болезненным сарказмом. Все боялись получить в отместку, поэтому выкрикивали ругательства с расстояния или вредили по-маленькому. Его изолировали, игнорировали, но не более того.

Шин это понимал, и в случае необходимости он готов применить насилие. Да и ему, по-видимому, наскучило реагировать на относительно безобидные издевки и вредительства, поэтому по большому счету он оставлял их в покое.

— Ну так как, все еще хочешь вступить за него? За ребенка имперских кровей? Золотое у тебя сердце, Рулия. Тогда вперед, помоги ему. Прямо сейчас. Останови эту перепалку. Выбеги и скажи: «Хватит, парни!!!».

«Но ты понимаешь, что не можешь этого сделать.»

— ...

Разногласие, сомнение, страх и намек на злость на миг проскользнули в красновато-карих глазах, а потом она качнула головой и вздохнула.

— ...Полотенце, — вдруг сказала она.

Когда он уставился на нее, Рулия смущенно отвела взгляд.

— Если оставить его вот так, он может простыть. И если он сломается, это создаст неприятности для тебя, не так ли? Он же твой важный-преважный козел отпущения... — язвительно произнесла она, прежде чем повернулась и ушла.

Провожая ее взглядом, Иска хмыкнул. Это она съехидничала?

— Как язык-то повернулся? Он и для тебя такой же козел отпущения.

Для него, для Рулии, для всей базы. Иска знал про издевательства над Шином, как ранее знал про выходки над Рулией. В обоих случаях он закрывал глаза. Более того, в начале он подначивал остальных.

Потому что иначе никто из них не выжил бы.

Они катались на алюминиевых гробах с плохим вооружением, которому не доставало огневой мощи, и слабой подвеской. Для выживания им нужна тесная координация действий. И наиболее быстро и надежно объединить группу... можно было путем выбора из отряда общего «врага».

Все будут осуждать, бросать камни и изолировать козла отпущения, формируя общий знаменатель и чувство товарищества, которое разделят члены отряда за исключением того, на кого пал жребий. Они противостояли общему врагу, отчего крепчали связующие узы в группе.

Вот почему Иска постоянно выбирал из своего отряда козла отпущения. Вот как он сражался на этой войне. Как правило, это были слабые, самые обременительные члены группы. Кто-то, чье поведение, внешность или характер вызвал бы всеобщий гнев. Кто-то, кто выделяется, вроде Рулии, или имперских кровей, как Шин.

Он приводил очевидные, понятные примеры козлов отпущения, которых остальные могли безудержно ненавидеть, осуждать от всего сердца и относиться со снисхождением, выплескивая недовольство.

Их настоящими врагами оставались белые свиньи Республики, конечно. Но те прятались в сотне километров отсюда, внутри стен и за минными полями, и едва появлялись на адском поле боя. Враг, не кажущийся настоящим, и которого даже рядом нет, остальными воспринимался как несуществующий.

Легион, каким бы передовым и безжалостным ни был, представлял собой автономные машины, действующие согласно программе... Тупо и бессмысленно направлять ненависть на них.

Первое время часть людей отвергала эту идею из чувств справедливости и морали. Но только в начале. Вскоре они бросали камнями и презирали козлов отпущения с той же радостью, что и остальные. Расправа группой, когда никто не поставит под сомнения твои действия, и не будет никаких последствий, приносила больше всего удовольствия. Наверное, это единственное в своем роде отвлечение, доступное в полной мере на опечатанном поле боя.

Естественно, большинство козлов отпущения довольно скоро погибали. Товарищи не оказывали им поддержки в бою, а дискриминация в повседневной жизни отламывала по кусочкам их сердца и дух. Сила воли и выдержка быстро иссякали, и они погибали в бою или убивали себя.

Смерть раньше времени наделала бы проблем, поэтому Иска запрещал чрезмерное насилие и не позволял козлам отпущения носить пистолеты из опасений, что они покончат со своими страданиями. К сожалению, многие находили обходные пути.

В этом смысле Шин продержался дольше, чем ожидалось. Он был сильным, как на базе, так и на поле боя.

Иска фыркнул. Именно он сделал из Шина крайнего, и раз тот оказался орешком покрепче большинства, он этому только рад. Однако...

— ...К сожалению для него...

Быть сильным настолько, чтобы выдерживать ежедневные издевательства и оскорбления, — в этом не было ничего особенного. Не здесь, не в восемьдесят шестом секторе.

1

— Кстати говоря, от тебя давно не поступал запрос на «козу», Стервятник.

Услышав этот комментарий по парарейду от Куратора по другую сторону стен, Иска хмыкнул.

— Последняя черная козочка держится дольше, чем ожидалось.

Кураторы, как скотоводы, должны держать «восемьдесят шесть» в узде и не допускать мятежа, но большинство плевали на свои обязанности. Хотя ответственный за отряд Стиллет был относительно добросовестным. Но что бездельники, что трудяги — разница невелика, они все еще остаются идиотами.

Идиотами и мерзкими белыми свиньями. Они заперлись в стенах и думают, будто все произошедшее на поле боя их не касается. Республика не собиралась воевать. У них дела обстояли так: кучка дронов билась друг с дружкой в далеком мире, и иногда эти дроны вспоминали о правде и с презрением обращались к Кураторам.

Так или иначе, Иска, давно командующий отрядом Стиллет, проработал достаточно времени с этим Куратором, но никто из них не знал ни имен, ни лиц друг друга.

И Куратор, конечно, знал про «коз». Слабые, бесполезные или меньшинство. И судя по коротким промежуткам между запросами, он догадывался о жестоком к ним обращении, и что они вскоре погибали.

Но среди посланных Куратором коз Шин оказался ценным уловом. Имперская кровь ясно давала о себе знать, но еще он был сильнее любой предыдущей козочки и сильнее даже

большинства в отряде. Быть может, происхождение и вынудило его закалить себя ради выживания.

И ожидаемо, он выходил из передряг гораздо больше раз, нежели среднестатистический козел отпущения. Он принял скверное к себе отношение товарищей, и все же, несмотря на отчужденность, словно проявлял заботу о них.

Мирей, кто недавно поругался с Шином, погиб во вчерашней битве. Но малец выжил. Иска в последнее время спрашивал себя: что, если Шин позволяет товарищам издеваться, потому что знает, что им суждено умереть до него.

— Чертовы вы свиньи, даже своих жрете, даже детей, — усмехнулся Куратор. — Вы, «восемьдесят шесть», те еще варвары. На такую подлость мы, благородные граждане Республики, никогда не пойдем. Грязные нелюди.

— Кто бы говорил, Куратор Один, — хмыкнул Иска в ответ.

«Восемьдесят шесть» должны были быть такими же гражданами Республики. Те использовали детей-солдат, вроде него, Шина и Рулии, в качестве деталей для дронов.

Иска ощутил холодную, почти что пугающую тишину, воцарившуюся через синхронизацию.

— ...Не смей считать нас одинаковыми, грязный Колората.

Иска не испугался. Республика заперлась подальше от поля боя, вынудила их сражаться, но Куратор, простой гражданин, не имел особой власти над «восемьдесят шесть». Самое большее, он мог задержать поставку припасов, только уничтожение отряда зачтется Куратору за ошибку.

Территории Республики значительно сократились из-за войны: безработица возросла, и Кураторам приходилось показывать хоть какие-то результаты, чтобы не лишиться ежемесячного жалования. Хотя, по-видимому, денег платили недостаточно для того, чтобы принимать колкости от свиней.

Все граждане Республики одинаковы, как-никак. Отгородились ото всех в сладком сне, заткнули уши и закрыли глаза, чтобы добиться ложного мира. Тупые, ленивые белые свиньи.

Иска хмыкнул снова. Холодно.

— Приношу извинения, если мои слова прозвучали именно так, почтенный хозяин-человек.

«Будто кто-либо хочет равняться на вас, белая свинья.»

С идиотами легко общаться, но удовольствия это не приносит. Когда связь завершилась, Иска цокнул и отлип от стены ангара. Общение с Куратором возлагалось на Иску, как капитана отряда. И каждый раз его это знатно бесило.

Как и в бараках, в ангаре уже давно не убирались: пространство заполнили пустые контейнеры, запчасти, в воздухе летала пыль. Ряды Джаггернаутов заметно поредели за прошлые битвы. Агрегат Шина, вымазанный красной краской, которую непонятно где нашли товарищи по отряду, приютился в углу.

Несмотря на бой в городской среде в агрегате с нелепой окраской, Шин и сегодня выжил. Они давали ему самые самоубийственные роли, вроде приманки или арьергарда, а он продолжал сражаться хаотично, доводя и так паршивую подвеску Джаггернаута до предела.

Начать стоит с того, что отряд Стилет ответственен за весьма интенсивный район военных действий. На поле боя без потерь, где и так расстаются с жизнями направо и налево, именно в этом районе «восемьдесят шесть» ложатся пачками. И все-таки Шин выживал.

И как бы в противовес мальцу, остальные члены отряда теперь помирали гораздо чаще, чем было до его присоединения. Что стало той еще головной болью для Иски. Причины две: боевой потенциал отряда падает, отчего сражения становятся суровее... и накаляющаяся атмосфера, которая с каждым разом давила все сильнее.

Во взглядах и перешептываниях, направленных на Шина, постепенно проявилась настоящая вражда. «Паразит, — говорят они. — Предвестник разрухи. Ты насылаешь смерть на своих товарищей». Издевательства становились хуже с каждым днем, и уже подходили к границе допустимого, когда Иска подумывал заступиться за ребенка.

Одно дело, когда процессор сам решает уйти из жизни, или просто настолько тупой, что погибает от рук Легиона. Но убийство процессорами друг друга — вот здесь должна проходить черта. Это последнее ограничение, которое нельзя ослаблять. Потому что иначе порядок в отряде будет нарушен.

Он поставил его на роль козла отпущения, чтобы выживали другие процессоры, но те стали погибать еще быстрее.

Когда Иска ухмыльнулся сам себе, он почувствовал, как кто-то тихо прошмыгнул мимо.

— О.

Он только сейчас заметил. Чуть опустив взгляд, он с удивлением обнаружил характерные черные волосы, голубой шарф и мешковатую форму на миниатюрном теле.

Шин.

Он прямо рыскающее животное, передвигается бесшумно. Услышав возглас, Шин скользнул безэмоциональным взглядом кроваво-красных глаз в его направлении. Иска прислонился к стене у входа в ангар, но все еще в слепой зоне. Шин прищурился при виде его.

Теперь его взгляд был намного мрачнее и холоднее, чем в тот момент, когда Иска бранил его за попытку помощи идиоту с оторванными ногами. Он посмотрел на Иску, точно на мерзкое насекомое или камешек на пути, и потом отвернулся.

Судя по всему, он намеревался игнорировать своего бессердечного капитана, стреляющего в любого обременительного товарища. Так же, как он игнорировал сослуживцев, которые, несмотря на дискриминацию, собирались в кучку и набрасывались на тех, кто слабее.

Холодные глаза, казалось, свысока взирали на него, будто осуждали... будто Иска сам низвел себя до столь жалкого состояния.

— ...Эй, — окликнул он мальчика, не успев опомниться.

Иска был уверен, на его лице сейчас разыгралась кривая улыбка. Так он всегда общался с товарищами по отряду. Невеселая ухмылка запугивала, отталкивала и принуждала.

— У тебя там железка с агрегата Мирей? Ты серьезно взял его? — спросил он, взглядом указывая на небольшой металлический обломок в руках Шина.

Тот был окрашен в цвет — высушенная кость — обшивки Джаггернаута. Даже в отряде Стилет поговаривали, будто Шин записывал на них имена погибших. Обычно это были деревяшки или осколки простого металла. Но если везло, он действительно подбирал обломки брони, хотя это случалось нечасто, ведь хрупкие Джаггернауты запросто взрывались.

Кулек пластинок с выцарапанными на них именами лежал в кабине его агрегата. На первый взгляд в них угадывался мусор, да только когда сослуживец хапнул их и выбросил в грязь, Шин избил того до неузнаваемости. Из этого следует, что обломки для него значат многое.

Отчасти поэтому перед Шином, пусть тот и был козлом отпущения, стоило снять шляпу.

Члены отряда и бригады обслуживания словно разом уверились, будто малец занимается сбором обломков точно также, как благородные имперские берсерки отрубали головы поверженных врагов в качестве трофеев. Шин, будучи богом мора, гордился количеством убитых союзников, а не врагов.

Но Иска знал, что это не так. Однажды один сослуживец, который вроде как сочувствовал Шину — а потом погиб, — обмолвился, что тот делает это из-за обещания капитану в его

первом отряде. Последний выживший будет нести за собой всех погибших до него. Так он держал данное обещание.

Он и Иску с собой возьмет?..

«...Бред какой.»

— Ты ведь не куриноголовый и наверняка не забыл поступки Мирея. И ты все равно решил его взять?

Выплеснутая вода, ежедневные оскорбления, использование мальчишки как приманку для отвлечения внимания врага. И он все равно собирается его взять?

— Ты взаправду настолько тупой? Носишься с этими пластинками, того подыхающего еще спасти пытался... Ты кайфуешь от геройства, что ли?

— ...Не в этом дело, — равнодушно ответил Шин.

Он толком не смотрел на Иску, будто того даже рядом не было. Наверное, вспоминал о том, кто навязал ему обещание, кого уже нет на свете. Насколько же безответственным нужно быть, чтобы толкать красивые речи и помереть первым.

— У «восемьдесят шесть» нет могил. Если о погибших перестанут помнить, они исчезнут навсегда. Поэтому я хочу запомнить каждого.

— О, — глумливо произнес Иска. — Ну и каким же он был, этот Мирей? Мелкий задира, который каждый день издевался и кричал на слабого, а потом сдох как последняя тварь.

Никто не захочет помнить о таком как он.

Но Шин словно не признал насмешку Иски. Его алые глаза погрузились в воспоминания.

— ...Он был шутником, всегда смеялся, всегда храбрился перед трудностями и всегда старался веселить друзей.

Презрительная ухмылка спала с лица Иски.

— Он никогда не улыбался так мне, зато веселил других... И этого мне достаточно, чтобы взять его.

— ...

Лицо Иски скривилось. До него наконец-то дошло, почему сопляк сильно его бесил.

— ...Ты из себя святого строишь, малыш? Здесь, на поле боя без людей?

Восемьдесят шестой сектор представлял собой ад. Никто не мог оставаться порядочным в этом месте. А Шин продолжал держаться за достоинство, за образ здравомыслящего, порядочного человека. Иска отринул этот образ и не был заинтересован к нему возвращаться. Но Шин словно пускал пыль в глаза.

— Я просто делаю то, что хочу сделать. И наоборот, не делаю того, чего не хочу.

«Потому что я не хочу становиться похожим на тебя.»

— Гребаный засранец, ты... — прорычал Иска.

— Кроме того... — прервал его Шин.

Он наконец отвел взгляд незамутненных кроваво-красных глаз, в которых впервые читалась горечь.

— Я способен на большее, но ничего не делаю... Если расскажу, все равно никто в отряде не поверит. Так что и смысла в этом нет.

0

Перед Джаггернаутом Иски вдруг возник Лев.

Абсурдные характеристики пятидесятитонного Голиафа позволяли тому прыгать без единого шума, что никак не укладывалось в голове при виде махины. Машина замахнулась на него одной ногой из четырех — передней левой. Иска находился слишком близко к башне, поэтому эффективнее раздавить надоедливое насекомое, а не стрелять по нему.

— Вот б...

Затем последовал удар.

□

Когда Иска открыл глаза, он понял, что вылетел из Джаггернаута на бетон. Он осмотрелся и нашел неподалеку свой перевернувшийся агрегат с покореженным фюзеляжем. От Джаггернаута к лежащему Иске тянулся красный кровавый след.

Это была его кровь.

«...Я облажался.»

Лежа на бетоне, Иска со вздохом взглянул на небо. Толстая водостойкая ткань формы закрывала обзор, но он чувствовал внутри живота тепло. Внутренние органы повреждены. И в восемьдесят шестом секторе не было военных врачей, поэтому он не мог надеяться на лечение. Его ранение смертельно.

Повреждения органов живота отличались от ран в области головы или груди. Быстро умереть без посторонней помощи не получится. А он не хотел корчиться в агонии без возможности сдохнуть на задворках поля боя под крики и канонаду выстрелов. Иска потянулся к правому бедру, чтобы достать пистолет из кобуры...

□

...но пальцы прошли через воздух.

□

Он не почувствовал привычного прикосновения к пистолетной рукоятке, но что еще хуже... он не чувствовал ног.

Посмотрев вниз, он увидел пустоту ниже живота — ног не было.

— ?!.

Он испугано огляделся и обнаружил нижнюю половину тела, вывалившуюся из открытой кабины перевернутого Джаггернаута. Пистолет практически выпал из кобуры; он валялся в кровавой луже вперемешку с оторванными пальцами, слишком далеко, чтобы дотянуться.

Иска не мог сказать, сколько пролежал после ошеломляющего понимания. Неуместное хихиканье сорвалось с его уст, и тело покинули остатки сил. Он не мог заставить себя поползти до пистолета. Да и пальцев-то у него теперь тоже нет, он не может нормально взять его и выстрелить.

Теперь его не заботило, выживет он или умрет.

«Но это неизбежно», — подумал он, пока притупленная боль начала медленно накатывать. Процессором он был уже более трех лет. Он старался поддерживать единство в отряде, чтобы обеспечить собственное выживание, и для этого ступил по головам многих товарищей.

Погибло действительно много: кто-то от рук Легиона, другие покончили с собой. Запертые на поле боя, где их душила злоба машин и Республики, сердца процессоров оказывались измученными и больными от презрения со стороны таких же, как они, «восемьдесят шесть».

И все из-за Иски.

И теперь его ждала расплата.

Кажется, «Стиллет» продолжал сражаться, хотя и проигрывал. Вряд ли они в том состоянии, чтобы прийти спасти его. Он либо загнется здесь, оставшись никем не замеченным... либо отряд полностью уничтожат, и Легион заберет его как военный трофей. Какой бы вариант не выпал...

«...легкой смерти мне не видать.»

□

Вдруг в монотонный серый мир бетона и тонких серебряных облаков поденков вторгся черный с примесью ярко-красного.

□

Иска машинально повернулся, и увидел оттенки черного, как ночная тьма, и алого, краснее крови.

— Ноузен... — прошептал он так тихо, что Шин вряд ли его услышал.

Но Иска краем глаза увидел его Джаггернаут. Кабина была открыта, а сам Шин вышел из него и поспешил к агрегату Иски. Даже тот заволновался за мальчика, настолько беззащитным он казался. Окажись где-то поблизости самоходная мина, и ему точно настал бы конец.

На плече у него покоилась штурмовая винтовка, слишком длинная для небольшого роста. А вот пистолета у него не было. Иска не давал его, чтобы мальцу не пришлось в голову покончить с собой, как это случалось со многими козлами отпущениями до него.

Он подошел к Джаггернауту Иски, не издавая шума при ходьбе также, как не издавал Легион при перемещении, и обследовал нанесенный ущерб.

По-видимому, он осматривал его, поскольку поломал свой Джаггернаут. Если взглянуть на него, оказывается, тяжелые пулеметы на двух манипуляторах были в ужасном состоянии: стволы деформированы, будто он замахивался ими на врагов. Кроме того, Джаггернаут не мог должным образом стоять прямо в режиме покоя. Сустав на одной ноге из ломких четырех

скосило под неестественным углом.

Он лишился вторичного вооружения и обычной мобильности, поэтому решил пересест в другой Джаггернаут, пусть даже у того будет немного погнутая кабина. К сожалению для него, кабина агрегата Иски была разбита сверху донизу, и Джаггернаутом уже не поуправляешь.

Осмотрев его, Шин качнул головой, и тогда-то заметил ошметки вывалившихся органов Иски из кабины. Он нервно сглотнул, проследил за кровавым следом и обнаружил самого Иску.

Его кроваво-красные глаза — оттенок алого в них был чище и яснее, чем у крови и внутренностей на земле — остановились на капитане. На месте среза нижней половины. На руках, где недоставало пальцев. И несмотря на все эти увечья, тот был, к сожалению, все еще жив.

Как некогда был живым товарищ по отряду, которого Иска застрелил на глазах у Шина.

Сперва Иска приготовился, что Шин повернется и оставит его на произвол судьбы. Все-таки он ужасно с ним обращался. С чего бы ему спасти его? И Иска не падет так низко, чтобы вымаливать пощады. Он не станет этого делать, да и права у него нет.

Красные глаза застыли на нем. Во взгляде читалась неуверенность, будто шел некий внутренний конфликт.

«Ну какого хрена ты встал? — горестно подумал Иска. — Чего задумался? Я причинил тебе боль. Какой еще остается выбор, кроме как бросить меня? Просто оставь здесь помирать. Иди. Ну же, уходи. Было бы слишком унижительно молить тебя о пощаде. Не вынуждай становиться таким жалким, что буду просить помощи у того, кому я причинил страдания!..»

Но затем Шин поджал губы...

□

...и достал пистолет из окровавленной кобуры Иски.

□

— ...Что?

Иска на миг потерял дар речи. Затем Шин направил на него дуло. Пистолет в его руках дрожал, тем не менее он целился в голову. По ту сторону мушки виднелись глаза, полные противоречий — страх столкнулся с шаткой решимостью.

Он колебался. Только не из-за неуверенности в спасении. А из-за принятия бессердечного решения пристрелить Иску, даже не попытавшись оказать тому лечение, пусть для того, чтобы прекратить страдание...

Но вскоре удивление Иски сошло на нет. Вместо этого он почувствовал необъяснимый гнев. Он не был уверен, на что конкретно злился, но эмоции затуманили взор.

«Твою мать.

Черт бы тебя побрал. Так вот какую цену я заплачу? Это на него мне смотреть в свои последние мгновения?..»

Толком не осознавая этого, на его лице расплылась самоуничижительная улыбка.

«Ну твою же мать. Раз таково мое наказание...»

Он поднял правую руку, которая ощущалась тяжелее, чем должна быть, и ткнул торчащей костью на конце большого пальца в переносицу.

«Если собрался, целься сюда.»

— Знаешь, как его использовать? Сначала затвор...

Прежде чем Иска успел закончить, Шин потянул затвор своей ручонкой и послал первый патрон в патронник... Кто-то все-таки научил его. Как только затвор дошел до конца, он отпустил его.

Хотя тот, кто научил его пользоваться пистолетом, скорее всего, не научил стрелять в людей.

— На этом тебе не нужно снимать предохранитель. Оружие готово к стрельбе, как только первый патрон попал в патронник. Тебе нужно просто прицелиться и выстрелить.

Он сказал «просто», хотя полностью понимал, что последняя часть самая сложная. Шин пристрелит еще живого и говорящего Иску, смотря тому прямо в глаза. Эта сцена, скорее всего, навсегда останется в памяти. Человеческие инстинкты чурались отнимать чужую жизнь, это было самое страшное, что можно только вообразить.

Но если глупый ребенок не справится сейчас, его наверняка будут преследовать сожаления весь остаток жизни. Сожаления о том, что не смог покончить с дураком, который даже помереть нормально не мог.

— В магазине пятнадцать патронов. Использовать можешь четырнадцать, так что не переживай. Давай. Стреляй.

— ?..

Шин попытался успокоить сбившееся дыхание, сомнения затуманили его нехарактерно твердый взгляд. Иска качнул головой с болезненной улыбкой.

— А вот последнюю на других не трать. Последняя пуля — она для тебя, как будешь умирать. С ней проще уйти из жизни. Это то единственное, чего ты никогда не должен... позволять другим сделать за тебя.

Шину необходимо быть эгоистичным хотя бы до такой степени... иначе Иска, кто всю жизнь прожил эгоистом, не упокоится с миром.

Сказав все, что было нужно, Иска закрыл глаза. Шин справится. Немного поколебавшись, он выдохнул, и атмосфера вокруг него похолодела и помрачнела...

«Брось, идиот. Не принимай близко к сердцу.»

Первый выстрел по Иске не попал: пуля влетела в асфальт сбоку его головы. Второй выстрел прошел ухо. По-своему похвальная точность, раз умудрился попасть со второй попытки.

Иске пришла мысль, что Шин и его возьмет с собой.

«Каким он запомнит меня? Он же не посчитает мои объяснения, как пользоваться пистолетом, за доброту? — На губах Иски разыгралась неуместная улыбка. — Потому иначе, если все-таки посчитает, он самый настоящий идиот.»

Ему показалось, будто прозвучал третий выстрел. И это последнее, что услышал Иска перед тем, как мозг размогло: последний звон милосердия.

□

Первые две пули прошли мимо, но третья попала в лоб, куда он и указывал.

Пистолет отдавал приоритет портативности, поэтому ствол был коротким, отчего точность и пробивная сила оставляли желать лучшего. Это все еще боевой пистолет, но 9-мм калибра не всегда достаточно, чтобы прикончить кого-то, так что Шин выстрелил еще два раза.

Он пристрелил его — сделал как ему велели, и только теперь до него дошло, что Иска больше

не шевелился. Его сердце остановилось, кровь вытекала медленно. Она была тускло-красного цвета, и смешивалась с чем-то еще.

Шин помалу опускал пистолет, а потом свалился на землю, будто подкошенный неподъемным грузом — хотя оружие весило меньше килограмма. Тело покрылось холодным потом. Осознав, что задержал дыхание, он наконец-то выдохнул, затем вдохнул и опять выдохнул.

— Х-ха-а!..

Но ожидаемые дрожь и позывы рвоты все не накатывали. Никакой паники или расстройства. Отсутствие отклика по-настоящему шокировало Шина. Перед ним лежал свежий труп, и он пристрелил его своими руками. Это было убийство, но оно никак в нем не отозвалось. Вот что сломило его.

«Я знал. Я...»

Рука непроизвольно потянулась к горлу. Коснувшись ткани шарфа, он одернул пальцы и крепко сжал кулак.

«Вставай. Рядом может и не быть машин, но на выстрелы Легион обратит внимание. Заберись в Джаггернаут до их прибытия. Уходи и живи. Борись.»

Некая сила инстинктов, нечто глубинное и более первобытное, нежели простая воля, побудило его начать двигаться. Он поднял взгляд: кроваво-красные глаза обрели прежнюю свирепость и хладнокровность воина.

Когда он встал, девятисотграммовый пистолет уже не ощущался таким тяжелым.

Он подобрал обломок Джаггернаута в луже крови и начал уходить. В последний раз обернулся, посмотрев на останки Иски, которым суждено истлеть.

— ...Капитан.

Шин не испытывал к нему уважение или привязанность. Он только и делал, что направлял на мальчика бессмысленную злобу. Зато никогда не бросал раненых, кого ждала мучительная смерть, и избавлял их от мучений... Оглядываясь назад, Шин видел в этом только его способ взять ответственность за товарищей.

Иска делал это так много раз, что сам процесс со стороны выглядел непринужденно. Он убил многих, поэтому привык. И, вероятно, поэтому он ни разу не пытался навязать эту ответственность другим.

Шин мог припомнить только его решимость.

— Я возьму пистолет... и твою роль. Буду исполнять ее, пока не встречу свой конец.

И он запомнил имя и его последнюю тусклую улыбку.

Шин повернулся к нему спиной.

Дополнение

Он вытащил пистолет из набедренной кобуры с правой ноги и передернул затвор левой рукой. На этом ему не нужно было дополнительно снимать предохранитель. Пистолет имел ударно-спусковой механизм двойного действия, но перемещение затвора приводило к взведению курка. Под действием пружины затвор вставал обратно, тем самым посылая патрон из магазина в патронник. В результате этих нехитрых действий пистолет из восьмисот сорока пяти грамм металла делался инструментом для убийства.

На конце ствола были мушка и целик. Глядя через них, он видел фигурные мишени, в которые выстрелил привычным нажатием спускового крючка.

В каждую цель он выстрелил трижды. После поражения пяти мишеней, сработала затворная задержка. Он вынул магазин и прекратил стрельбу. Подтвердив, что пистолет пуст, Шин опустил оружие.

Шиден, прислонившаяся к перегородке стенда, изумленно присвистнула.

— Неплохо, малыш Бог Смерти. Ни одной не промазал. Ну даешь.

Они находились на тренировочной площадке основной базы, которая была штабом ударной группы «восемьдесят шесть». А именно — на стрельбище. Шин проигнорировал ее, отложил пустой магазин, нажал на рычаг сброса задержки и вставил новый магазин. Затем потянул затвор назад, подтвердил, что в патроннике нет патрона, и тогда заговорил:

— ...Я думал, конструкцию немного поменяют после ремонта, но этого не произошло.

— М-м? О... — кивнула Шиден, и затем пожала плечами.

После битвы с Морфо Шин выбросил пистолет, а потом Шиден его подобрала. Когда Союз взял ее под свое крыло, она поинтересовалась у своего опекуна по бумагам, где бы найти мастерскую для починки оружия.

— Мыслишки кое-какие у меня были, на самом деле. Раму оставить прежней, но сменить калибр на 40-мм... или добавить автоматический режим.

Значит, она думала об этом. Шин нахмурился. Его не устраивал ни один из вариантов. Конечно, он сам выбросил оружие, но подобные вмешательства ему совсем не нравились.

— Впрочем, против Легиона оно все равно не поможет. Он годится только для самоубийства, так что улучшения тебе ни к чему. Кроме того... — Улыбка спала с ее губ. — Пистолет хоть и старый, зато видно, что за ним исправно следили. Одна деталь, но по ней можно сказать, как многое он для тебя значит, вот и подумала вернуть таким.

— ...

Выслушав ее, Шин опустил взгляд на пистолет, чувствуя в руке привычный вес. Когда Союз подобрал их, Шин и остальные члены отряда Остриё копья не имели при себе много личных вещей, но он пришел к пониманию, что не может отказаться от этого пистолета. К счастью, несмотря на строгие воинские уставы Союза, пистолет с внутренним механизмом ударника был в числе стандартных огнестрельных в армии, и те же боеприпасы позволили ему оставить оружие, хотя без жалоб не обошлось... Так что да, быть может, это действительно своего рода привязанность.

— Наверное, так и есть.

Он выбросил пистолет после битвы с Морфо под предлогом поломки. Но думая об этом сейчас, он понял, что должен поблагодарить ее за починку и возвращение.

— Спасибо. За то, что починила и вернула.

— Знаешь, «спасибо», которое ты сейчас произнес, нужно произносить с благодарностью в голосе, — ухмыльнулась губами и глазами Шиден, на что Шин ответил холодным взглядом, чтобы та перестала его дразнить. На миг умолкнув, она продолжила: — Это прощальный подарок от бывшего товарища?

— Подарок ли?

В ответе проскользнула странная нотка, которая побудила Шиден взглянуть на выражение лица Шина. Он не строил из себя скромника. Звучало так, будто Шин взаправду не знал ответа. Хотя, если пистолет у него был со времен восемьдесят шестого сектора, он получил его много лет назад.

— Думаю, он ненавидел меня. Это было взаимно... Ко мне постоянно лезли из-за моей имперской крови.

— ...О.

Шиден вдруг скорчила мину и промямлила, и Шин глянул на нее. У Шиден была редкая гетерохромия: белоснежный — как у Альб, угнетателей «восемьдесят шесть» — глаз говорил о крови Алебастров, другой глаз был темно-синим.

Скорее всего, она прошла через что-то похожее.

Не то чтобы Шин почувствовал с ней родство, но...

— Так, тормозни. Если все так, как ты сказал, чего пистолет от того поганца для тебя так важен?

— ...Не уверен. Кажется, я тогда сказал, что возьму его роль на себя.

Роль — умерщвлять раненых товарищей на пороге смерти, которых уже нельзя спасти. И с того времени он ни разу от нее не отказывался.

Шин никогда не владел пистолетом, и как только тот человек умер, он получил в свои руки оружие вместе с ролью. С тех пор он пользовался именно этим пистолетом. Однажды выбросил его, но потом тот вернулся к нему.

Потому, когда его спрашивали, с чего оружие так ему дорого, он не мог сформулировать причину. Зато мог сказать о другом — пистолет в то время был тяжелым. Слишком большой для руки, отдача совсем другая в сравнении со штурмовой винтовкой. К отдаче он все никак не мог привыкнуть.

Но в какой-то момент вес и отдача стали привычными, а ростом он сравнялся с ним. Может, и возраст тоже догнал? Шин не знал. Он не спрашивал об этом и, скорее всего, уже никогда не узнает.

— Но, думаю, капитан научил меня тогда стрелять... И это придало мне решимости. Поэтому...

□

«А вот последнюю на других не трать. Последняя пуля — она для тебя, как будешь умирать. С ней проще уйти из жизни.

Это то единственное, чего ты никогда не должен... позволять другим сделать за тебя.»

□

Он не проявлял заботу о Шине напрямую, но все равно об этом упомянул. Тот капитан отряда с саркастичными глазами. Шин никогда не знал его полного имени или возраста. И сейчас все, что он мог о нем вспомнить, — это несколько слов и выражение лица в последние его мгновения.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030794>